

Культура. - 1994. - Число. - С. 10.

МАДЛЕН РЕНО — ЖАН-ЛУИ БАРРО:

Среди знаменитых театральных пар Европы XX века пара **Мадлен Рено — Жан-Луи Барро** занимает особое место. Не кто иной, как сэр Лоренс Оливье, назвал Мадлен Рено «самой великой французской актрисой и, может быть, самой великой из всех актрис мира». А Сэмюэл Бэкетт однажды обронил фразу: «Мадлен Рено — гениальна». О Жане-Луи Барро русским любителям театра и кино рассказывать не нужно — два раза он был у нас на гастролях со своей труппой, и дважды мы видели его в лучших его киноработах. Жан-Луи Барро был великим мимом Дебюро и великим писателем Ретифом де ля Бретонном...

Как часто французские художники твердят о чистом искусстве, о «башне из слоновой кости!» И как редко им удаётся оставаться в его рамках — этого не позволяет бурная жизнь века. Рено — Барро были плотно от плоти французской культуры нашего столетия, а на долю Франции выпало много потрясений в новейшей истории...

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из биографии Мадлен Рено, вышедшей недавно в парижском издательстве «Пресс де ля Ренессанс». Автор биографии, писательница и журналистка Нозль Лорье, рассказывает историю Артистки на фоне сложной и взрывчатой европейской истории. И на фоне истории французского театра — в книге много великих, но лишь недавно пришедших и нам имен драматургов, таких, как Поль Клодель или Жан Жене... Это по-журналистски живой и по-писательски серьёзный труд. Заочно с Нозль Лорье знакомы зрители среднего поколения, успевшие лет пятнадцать назад посмотреть французский фильм «Доктор Франсуаза Гайян» с участием Анни Жирардо. Он был снят на основе романа Лорье, ставшего во Франции бестселлером.

Мы отдаем себе отчет в том, что многие факты биографии Жана-Луи Барро известны читателю, — артист сам рассказывал о них в книге «Воспоминания для будущего», выпущенной у нас издательством «Искусство» в 1979 году и многократно используемой Нозль Лорье, которая, однако, нигде не забывает, что основной предмет ее биографических исследований — все-таки Мадлен Рено... Биография нельзя сочинить заново — повторы неизбежны. Но можно отыскать неожиданные ракурсы и, казалось бы, маловажные детали, которые обретают большой смысл, если поставить их в контекст истории и исторической правды, и помогают полнее воссоздать облик большого художника.

Публикуя отрывки из этой книги, мы отдаем и дань последнего уважения недавно умершему великому французскому артисту Жану-Луи Барро.

Жан-Луи Барро не собирався становиться аптекарем, как его отец, которого он потерял в восемь лет. Как почти все талантливые дети, он хотел попробовать себя в разном, пока не остановился на одном: театр. Блестящий студент коллежа Шапталль, где его одноклассником был Жан Ануй, он без всякого труда сдал экзамены на бакалавра, а потом только записался в школу изящных ис-

куств. Вынужденный подрабатывать, он трудился в коллеже Шапталль, где выступал в роли классного наставника. Никто не назвал бы это работой по призванию; а Барро еще менее того: во время своей учебы он то и дело «косил глазом» в сторону Театра искусств, где играли Питоэвы. Позже он скажет: «Я желал театра, как греха». Ведь Андре Жид определил грех так: «Это нечто, чего невозможно не совершить».

Но куда обратиться? Среди спектаклей, которые ему пришлось увидеть подростком, он помнил «Скупого», там еще играл актер, так понравившийся ему: Шарль Дюллен. А у Дюллена сейчас свои труппа и театр — «Ателье». Как с ним связаться? Можно ему написать... И вот — первое маленькое чудо: Дюллен отвечает ему и предлагает пройти собеседование. Жан-Луи Барро радочно готовит сцены из «Британника» и «Ученых жен».

— Ну а кто же будет подавать вам реплики? — спрашивает Дюллен.

— Никто. Я не знал, что это нужно. Я приготовил все роли.

— А кого вы видите в роли «героя-любownika»? Я подумывал об одном мальчике... странный мальчик, но, кажется, полон страсти. Ладно, что вы скажете о Жане-Луи Барро?

Мадлен ничего не скажет. Она должна сначала увидеть его и услышать. Жан Бенуа-Леви предупреждает ее: Барро — это богема, иногда он

забывает побриться, умыться, и его кудрявая шевелюра почти не знакома с парикмахером, щеткой и мытьем. — Пусть появится у меня сам, — заключает Мадлен.

У нее — это в Пасси, в частном отеле, где она живет с Пьером Бертэном и сыном Жан-Пьером и куда часто приходит позавтракать Шарль Гранваль. Он у нее и закончили трапезу, как гутернантка обряжает о визите Жана-Луи Барро.

Он входит. Он принял душ, но не входил галстука. Приносят кофе. Он говорит, много. Интересно. Мадлен не сводит с него глаз. Шарль Гранваль лукаво улыбается, переводя взгляд с Жана-Луи на Мадлен. Когда Барро умолкает, Гранваль поворачивается к Бертэну:

— Ладно, старина, тебе тут больше нечего делать. Твое царствование кончилось.

Так молниеносно начинается история веселой и искристой любви Рено — Барро. Жан-Луи был на десять лет моложе ее, но ведь Шарль Гранваль был на двадцать старше, а Пьер Бертэн — старше на десять, и Мадлен решила начать все с нуля. Богема Сен-Жермен-де-Прэ, из которой вышел Барро, казалась очень далекой от Пасси, где в привычном своем буржуазном кругу жила Мадлен.

Когда Жан-Луи, наивный и взволнованный любовник, сделал ей предложение, Мадлен с трудом поверила в это. Шарль Гранваль сразу принял Барро. С другой стороны, друзья Жана-Луи приняли Мадлен. Их было много, верных товарищей: Жак Превер, Робер Деснос, Антонен Арто... Соединились берег левый, берег правый, жизнь прекрасна...

Но надо бы подумать о том, как жить дальше. В жизни Мадлен были и муж, Шарль Гранваль, и сын, и Пьер Бертэн. Это много. Но ничто не смогло победить чувства Жана-Луи, который оставляет Пикассо свое богемное жилище на улице Гранд-Огюстен, — тот напишет там знаменитую свою «Гернику». Позже, уже в период оккупации, немецкий любитель живописи спросит у испанского художника: «Это сделали вы?» И Пикассо ответит: «Нет. Это сделали вы!»

Жан Ренуар показывает свой шедевр — «Великую иллюзию». Делает первые шаги телевидение, еще лепечущее по-детски невнятно, и вся Франция, так же, как и Англия, увлеченно следит за историей настоящего принца, Эдуарда VIII, который отрывается от престола в пользу своего брата (будущего Георга VI), так как влюблен в

разведенную американку мисс Симпсон... Случай, возможно, вовсе не такой романтический, каким его сделали комментаторы, однако способный заставить позабыть о серьезной угрозе — второй мировой войне. Как они могли почувствовать приближение войны? Пресловутые Мюнхенские соглашения, горе-вдохновите-

лем которого был холодный Невилл Чемберлен, и бесхребетный, но понятный всем Эдуард Даладе создали иллюзию. «Никому не понять ничего, — писал в 1938 году Мунье, — в поведении французской буржуазной фракции. Если не слышать, как она вполголоса говорит: «Лучше Гитлер, чем Блюм».

Вскоре сам Жан-Луи Барро напишет: «1936-й — это пора расцвета Народного фронта. Мы шли на заводы читать поэмы. Рабочие заводов Рено, продавцы больших магазинов открывали Превера, Элюара, Арагона». Люди эмансипируются. Леон Блюм, которым я восхищался почти так же, как Троцкий, пророчески выдвигает министерство свободного времени. Необыкновенная пора, которую не пропустили «добропорядочные граждане». Право жить в свободе и уважать себя и других. Все, только не это. Они продержались три года. Три года отсрочки».

Война пришла. Жану-Луи Барро предстоит догонять свою компанию. Душераздирающие расставания. Никогда не плакавшая на сцене Мадлен здесь наворачивает слезы. Она едет к семье в Нормандию, где живет восьмидесятишестилетняя бабушка, которая скажет ей:

— Ах, какая жалость, что ты любишь этого мальчика! Не будь его, в нашей семье

не нашлось бы солдата. Мы бы не волновались!

Театр и кино — не единственные способы для парижан спастись от оккупации: кафе на левом берегу становятся местом встреч, где можно поспорить или просто писать, не рискуя встретиться лицом к лицу с нацистами. Здесь собираются будущие знаменитости: Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар, Жак Одиберти, Пикассо, братья Превер... и Мадлен Рено, которая наконец позволила себе пересечь демаркационную линию между правым и левым берегом.

Впрочем, у Рено — Барро не так много времени, чтобы за просто убивать его в кафешках Сен-Жермен-де-Прэ. Мадлен только что приглашена Жаном Гремийоном на одну из главных ролей в его фильме «Летний свет», который станет лучшим фильмом и для Гремийона, и для нее.

Этот период, когда Мадлен снималась в фильме Гремийона, был мучительным для «Комеди Франсэз». Жан-Луи Водуайе, которого не выносили ни Барро, ни сама Мадлен («Вам необходимо оставить вашу должность», — как-то бросила она ему), вступил в поединки с актером Фернаном Леду — уставший от никомудынного администрирования Леду хочет восстановить свободу творчества. Но Жан-Луи Водуайе диктует ему свои условия.

Что делает Леду? Изму-

ченый, терзаемый депрессией, он принимается на сцене все «пробалтывать», затем просто отказывается открывать рот, и из-за него приходится закрыть занавес. Водуайе кричит, оскорбляя его: «Вы не мужчина!». Пьер Дюкс поддерживает Леду и отвечает администратору: «Вы ничего не смыслите в театре!».

Жан-Луи Барро в годы оккупации творит чудеса. Окрыленный теплым отношением Поля Клоделя, который обошелся с ним как с «гением» (этот комплимент скоро станет взаимным), он предлагает мэтру не только поставить на сцене его пьесу «Атласный башмачок», но и сделать из текста, рассчитанного на два часа, пятнадцатичасовое зрелище.

Такой большой улыбчивый ребенок, маэстро Клодель счастлив видеть этих чудотворцев-актеров, выкрикивающих его текст. «Это гениально!», — вопит он, не замечая, что никто не осмеливается спросить, что он хотел сказать той или иной мизансценой и всей своей пьесой...

Ведному Клоделю выпало потрясение в первый день представления. Едва прозвучали три звонка, одновременно с грянувшим оркестром с улицы послышался вой парижских сирен: тревога. Согласно правилам, зрители встали, чтобы покинуть зал, укрыться в убежище Пале-Рояля. Слишком глухой, чтобы слышать уличную сирену,

Не только во Франции во

ремя войны была разногласия. В Соединенных Штатах встречались сторонники нацизма и среди голливудских «звезд», и в первую очередь Виктор Мак-Лаглен (исполнитель главной роли в «Осведомитель» Джона Форда). При помощи членов нацистской группировки Сильвера Ширта он готовил серию покушений на людей из киноиндустрии, сотрудничавших в антинацистской лиге: Сильвию Сидни, Фредерика Марча, Джеймса Кегни, Чарли Чаплина, Джека Бенни и т. д. Он помогал доставлять динамит. Он предстал перед Верховным судом, обвиняемый в многочисленных преступлениях. Но студия предпочли замаять скандал, и пресса хотела держаться от этого в стороне.

Нацистскому агенту Эрролу Флинну его известность доставляет динамит. Он оставшись после того как все актеры ушли, он радостно отвешивает залу низкие поклоны. Отвешивает долго. В конце концов залу, уже опустевшему.

Он обожал нас, — вспоминает Жак Шарон. — Он был почти на каждом представлении, на администраторском месте. Отчетливо вырисовываясь в темноте, этот благородный седой старик, облаченный в красный бархат, скандировал: «Браво! Браво!». Не один зритель интересовался у прислужниц: «Кто этот месяц, которому так понравился «Атласный башмачок»? Это был автор...».

Клодель был обязан всем Барро: великолепной постановкой, музыкой Артура Онеггера, декорациями и костюмами Люсьена Кутто, руководством актерами... «Атласный башмачок» посмотрели 90.000 зрителей. Французы в период оккупации приходили на «Башмачок» как на нечто вроде мессы французского языка.

Снявшись в «Детях райка», Жан-Луи Барро приобретает известность у широкой публики — это очень полезно для продолжения карьеры. Да и весь состав исполнителей великолепен. Однако еще до того, как фильм появился на экранах, уклад жизни, свирепствовавшей це-

...Арлетти реагирует на все с обычной беззаботной насмешливостью. Что припомнили прекрасной «звезде» «Детей райка»? Любовную связь с офицером люфтваффе (ей приписывали такую реплику: «Впервые в жизни я спала с мужчиной!»), а также с Сегином и Робером Ле Виганом. ...Когда кто-то из злопыхателей поинтересовался ее самочувствием, она ответила: «Ну не слишком сопротивленческое». Незадолго до ареста ее спросили: «Вы из отряда деголевых?» Она ответила: «Нет, — из галльских». После того, как ее арестовали, она заявила так: «Я была французенкой, имевшей самое большое число приверженцев, а теперь я сама отверженная».

Средняя французенка? Все-таки не будем преувеличивать. Ведь Мадлен Рено станет первой актрисой, получившей командорскую ленточку из рук первого государственного лица — месье Жискара д'Эстена.

— Когда мне позвонили из Елисейского дворца, — говорит она, — я подумала, что это розыгрыш. Но оказалось, не так. Мне было ясно сказано: неофициальный прием, двенадцать персон.

Тем хуже для труппы: туда могли пойти не все. Сам Валери Жискар д'Эстен присутствует по правую сторону от Мадлен, намекая ей о трудностях, пережитых компанией Рено — Барро, и утверждая, что в конце концов руководители Мадлен Рено — никакая не президент Республики, а Мольер, Мариво, Мюссе...

Перевел с французского Д. САВОСИН. Жан-Луи Барро и Мадлен Рено — расцвет любви. Фото из книги «Мадлен Рено».

